

УДК 81+821.161.1

**ЦЕННОСТНОЕ ПОНЯТИЕ «БОГ» В ЯЗЫКЕ
ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ «РАССКАЗОВ СИБИРЯКА»**

В.И. СОКОЛОВСКОГО

Бурмакина Н.А., Чеканова С.Ю.

В статье анализируется функционирование ценностного понятия «Бог» в языковой картине мира рассказчика. Выявлены парадигматические, ассоциативные отношения вербализованных единиц ценности «Бог». Источником исследования служит произведение поэта XIX века Владимира Игнатьевича Соколовского (1808-1839) «Рассказы сибиряка».

Ключевые слова: языковая картина мира, лингвистический анализ текста, лексико-семантическое поле, компонентный анализ, стилистика художественного текста, идиостиль.

**AXIOLOGICAL NOTION OF “GOD” IN THE LANGUAGE
OF A STORY-TELLER “STORIES BY SIBERIAN MAN”**

BY V.I. SOKOLOVSKY

Burmakina N.A., Chekhanova S.Y.

The article shows the analysis of the functioning of the axiological notion “God” in the linguistic picture of the world of a story-teller. Paradigmatic, associative relations of verbalised units of the notion “God” is find out. The source of the research is the work “Stories by Siberian man” by the poet of the 19th century Vladimir Sokolovsky (1803-1839).

Keywords: language picture of the world, linguistic analysis of the text, lexical and semantic field, component analysis, stylistic of an art text, idiostyle.

Исследование выполнено в русле лингвистической персонологии и посвящено изучению ценностного понятия «Бог» как фрагмента

индивидуально-языковой картины мира повествователя в «Рассказах сибиряка» В.И. Соколовского.

Владимир Игнатьевич Соколовский (1808-1839) – поэт, журналист и писатель XIX века. Интерес к творчеству и личной судьбе В.И. Соколовского, возобновившийся, в основном, благодаря работе краеведов Ставрополя, в XX веке побуждает внимательнее присмотреться к его произведениям и их идейному содержанию любого равнодушного к незаслуженно забытым личностям в истории русской литературы. О том, что имя незаурядного поэта, современника декабристов, было забыто, свидетельствуют и труды писателя 80-х годов XX века В.А. Чивилихина. В своем романе-эссе «Память», он, рассказывает о жизни двух практически забытых декабристов – Н. Мозгалевского и П. Выгодского, приводит свидетельства знакомства и переписки В. Соколовского с Н. Мозгалевским. Таким образом, была сделана еще одна попытка вернуть имя В.И. Соколовского русской литературе XIX века.

В.И. Соколовский, являясь современником великого А.С. Пушкина, поэтов Е.А. Баратынского Н.П. Огарева, видного публициста, писателя и философа А.И. Герцена, не только не потерялся среди громких имен, но активно и много публиковался на страницах печатных изданий своего времени. Исследователи творчества В.И. Соколовского относят его к поэтам «второго ряда» по сравнению с А.С. Пушкиным, Ф.И. Тютчевым, М.Ю. Лермонтовым, но отмечают, что его произведения «не утратили своего значения». В них он обращается к «высоким философским категориям, к библейским материалам, воплощая их в художественных образах» [9, с. 6].

Незаурядная личность В.И. Соколовского, которой являлся поэт, ярко воплощена в языке его произведений. Исследование языка В.И. Соколовского – это путь к познанию его личности.

Выбрав в качестве объекта исследования языковой образ рассказчика в произведении, мы столкнулись с проблемой его идентификации с самим писателем. В данном случае нам понадобилось подробное изучение статьи И.В.

Башковой «Творческая языковая личность и вариативность русской языковой картины мира». В ней автор высказывает важную для решения нашей проблемы мысль о том, что «художественные произведения – это самые значимые текстовые проявления языковой личности писателя, и если тексты в той или иной мере автобиографичны, то писатель сознательно эксплицирует свойства своей языковой личности» [2, с. 112].

Из литературного наследия В.И. Соколовского нами выбраны «Рассказы сибиряка», вышедшие в свет в 1833 году. По цензурным причинам, чтобы напечатать их, автору пришлось пойти на хитрость. В произведении есть рассказ о начальном становлении монгольской веры. Это обстоятельство позволило напечатать «Рассказы...» в типографии Лазаревых Института восточных языков. В 1830-х годах она считалась одной из лучших в Москве; здесь печатались учебники и монографии на 13 языках. Но книга В.И. Соколовского не содержит никаких сведений из области фундаментальной науки востоковедения. Вот как пишет об этом В. Чивилихин: «Особая тонкость заключалась в том, что Владимир Соколовский издал книгу – где бы вы думали? Воистину нельзя не восхититься изобретательностью автора – на титульном листе «Рассказов сибиряка», внешне выглядевших как шутовское стихотворно-прозаическое изложение сведений по ориенталистике, то есть востоковедению, значится: «В типографии Лазаревых Института Восточных языков». Эта уловка, кажется, частично ввела в заблуждение даже специалистов, за полтора века не заметивших в «Рассказах сибиряка» умной и злой карикатуры на императора и государственное устройство России» [10, с. 257].

В «Рассказах...» всего два главных действующих лица. Это рассказчик, никак не названный по имени, и его собеседница – Катинька. Интересно то, что собеседницы в художественной реальности не существует. Она чистый вымысел повествователя. В этом он откровенно признается на страницах произведения: «... пылкая мечта моя создала прекрасный ваш призрак...» [7, с. 95]. Разговор ведет рассказчик, которому важно не только передать Катиньке

историю зарождения шагямунианской веры, но и не менее важно пересказать «*интриг минувших повесть*» [7, с. 91], то есть всю историю своей жизни. Поэтому возникает две сюжетных линии. Одна статична, основана на описании душевных переживаний героя по поводу несовершенства человеческой жизни вообще и его личной в частности; другая – основана на повествовании о зарождении шагямунианской веры и рассказе о жизненных перипетиях поэта. Обе сюжетные линии искусно переплетаются в композиции произведения. Непросто найти между ними границу.

В данном случае, нас будет интересовать языковая личность рассказчика в произведении. Поэты, писатели, создавая образ рассказчика, представляют нам личную авторскую «форму литературного артистизма» [4, с. 256]. Образ рассказчика нельзя отождествлять с образом автора произведения. Но если говорить о стихах – а в произведении, взятом нами для исследования, половина стихотворной речи – то в русской лирической поэзии на этот счет существует мнение о литературном прототипе. По причине того, что текст «*Рассказов сибиряка*» написан и прозой, и стихами, в исследовательской работе мы будем «именовать» нашего рассказчика ещё и повествователем, и поэтом, и героем.

Текст произведения цитируется по изданию: «*Опальные: Русские писатели открывают Кавказ*» [7, с. 90-116]. В результате примененного нами метода сплошной выборки из текста «*Рассказов сибиряка*» было выделено 50 ключевых слов с их вербализованными вариантами. Путем подсчета их частотности среди выбранных ключевых слов выделились четыре ценностных понятия: Бог, Вера, Любовь, Душа. В настоящей статье мы останавливаемся на ценности «Бог». В русской ментальности Бог, по мнению О.К. Кальковой, является «базовым культурным концептом, на основе которого формировалось сознание русского человека». Согласимся с автором статьи в том, что «русские вкладывают в понятие Бога нечто иное, чем, например, европейцы. В русском понимании Бог – это нечто непознаваемое, таинственное, вбирающее в себя представления о душе, соборности, доброте, открытости, сердечности». Нельзя не согласиться с автором статьи и в ее выводе, что «концепт «Бог» отражает

ментально-психологическую специфику и ценностную ориентацию русского народа» [6, с. 91].

Л.В. Базарова считает, что «для православных познание Бога является единственной истинной целью жизни. Основным мотивом действий Бога по отношению к человеку православие называет любовь» [1, с. 9].

Отметим значения ценностного понятия с точки зрения общенациональной культуры, обратившись к «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля и «Словарю языка Пушкина».

В первом – Бог – «м. Творец, Создатель, Вседержитель, Всевышний, Всемогущий, Предвечный, Сущий, Сый, Господь; Предвечное Существо, Создатель вселенной. Слава Богу, благодаря Бога, благодарственное восклицание, в ответ на вопрос о здоровье. Бог весть, Бог знает, я не знаю...» [5, т. 1, с. 137].

Во втором – «Бог (917). 1. *По религиозным представлениям, высшее существо, являющееся творцом вселенной* (246). Как труп в пустыне я лежал, И бога глас ко мне воззвал:... *Пророк*. 2. *По религиозным представлениям древних народов, высшее существо, управляющее миром, природными явлениями, стихиями* [ед. и мн.] (103). Кони бледного Плутона Быстро к нимфам Пелиона из аида бога мчат... *Прозерпина*. 3. *Предмет поклонения; кумир* (19). О Вольтер! о муж единственный! Ты, которого во Франции почитали богом неким... *Бова*. 4. *Старая звательная форма боже в значении восклицания, выражающего чувства удивления, неожиданности, досады (с прилагательными "правый", "праведный", "милостивый" и т.п., в выражениях типа "Боже мой", "Господи, Боже мой")*» [8, с. 130, 131].

Из приведенных выше словарных статей разного времени можно сделать вывод о том, что значения слова *Бог* перекликаются в трактовке «сверхъестественное существо, имеющее власть над миром и являющееся его первопричиной». Ассоциативное поле значений понятия *Бог* представлено в данных словарных статьях такими компонентами, как:

– *абсолютное существо, являющееся первопричиной всего сущего;*

– высшее существо, являющееся творцом вселенной;

– предмет поклонения, обожания, кумир;

– в звательной форме боже в восклицательном значении – указывающий на модальность речи;

– в христианстве: триединое божество, творец и всеобщее мировое начало - Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой.

Лексема *Бог* в произведении В.И. Соколовского употребляется рассказчиком в качестве старой звательной формы, о значении которой указано в словаре языка Пушкина «... в значении восклицания, выражающего чувства удивления, неожиданности, досады... в выражениях типа "боже мой", "господи, боже мой" в таких вербализованных единицах, как: "Ах! Скольких бы тогда, мой Боже! / не напроказил я проказ!; Боже ты мой!; Если (чего Боже сохрани!) вы знаете по-монгольски...; Боже мой! Ведь я и позабыл, что он перед смертью постился пятьдесят два года: до красоты ли тут?; Ах, Боже мой! Да что за чудо!; Нет! Что вы?.. Боже сохрани!; Боже мой! Как это скучно!... говорите!"» [7, с. 92, 95, 103, 105, 115].

Что это говорит о личности рассказчика? Что речь его передает преувеличенное возвышенно-восторженное, отношение к описываемым событиям. Состояние речи передано наличием восклицательной интонации. В данных примерах мы видим наличие эмфазы – эмоционального, взволнованного построения ораторской и лирической речи. Рассказывая своей собеседнице Катиньке о шагямунианской вере, повествователь употребляет понятие *Бог* и в прямом его значении, а именно: «... высшее существо, являющееся творцом вселенной; По религиозным представлениям древних народов, высшее существо, управляющее миром, природными явлениями, стихиями...: "И надо ж побояться Бога; ... что вместе с мирами будут переменяться и боги; ... таким образом, все боги, которые управляли мирами ... называются...; Нестерпима казнь ужасная грозных Божских мечей...; Ваши сладкие слова; <...> долетят они до Бога!" и др. [7, с. 99, 105, 115].

Такие идиомы, как *Боже сохрани*, в значении "выражение нежелательности и предостережения, бесповоротного отрицания"; *Господи, прости*, в значении "отв. просящему прощения в вине" [5, т. 1, с. 138]; *Бог с ними*, в значении "ну и ладно, пусть будет так, как есть"; *ради Бога* или *Бога ради*, в значении "очень прошу, пожалуйста (употр. для усиления, подчеркивания мольбы, просьбы)"; *Божуся вам богами*, идентично *клянусь Богом*, в значении "клятвенно обещать (или заверять) / именем Бога" – употребляются рассказчиком очень часто, характеризуя его, как человека, который готов всякую минуту держать ответ перед Богом, который ощущает, что Бог всегда с ним: в его сознании, душе, сердце, несмотря на то, что в прямом обращении к Богу мы застаем рассказчика лишь единожды, в конце повествования: "*Господи, прости мои согрешения!...*" [7, с. 118]. Бог – высшая для него инстанция, отпускающая земные грехи.

Деривационное пространство лексемы *Бог* наполняется образованием от него производных существительных: *богиня, боже, божество, богослужение*; прилагательных: *божий, божиих* в значении "принадлежащий, свойственный богу (Божиих мечей), исходящий от бога (Божий свет)" [5, т. 1, с. 142]; одним наречием *безбожно*, употребленным в составе идиомы: "*прикинется безбожно*", имеющей значение "бессовестно, нечестиво" [5, т. 1, с. 98].

Лексема *Бог* сочетается отношениями синонимии с такими лексемами, как *Господь, Творец, божество, Великий обладатель вселенной, Царь, Всесовершенный Царь*: «*Все та ж над ним любовь Господня, / И то же в нем из ада – я; Как я не умер, мой Творец?; Браhma, первое свойство сего божества...; Этот Джалбу, или Рануза, титуловался священным именем: Великого обладателя Вселенной; В каком-то усыпленьи сладком / Царек вступил на Божий свет*» [7, с. 96, 98, 99, 113, 117].

Чтобы выявить синонимическую зависимость в паре *Господь – Бог*, обратимся к этимологическому словарю: «Бог. Общесл., имеющее соответствия в некоторых индоевр. яз. (ср. др.-инд. bhagas – "одаряющий господин", bhagas – "богатство, счастье", др.-перс. Вага – "господин, бог" и др.)» [11, с. 23].

Как мы видим, одним из древнеперсидских значений слова «Бог» является «Господин», усеченный вариант которого есть «Господь».

На периферии значений лексемы *Господь* лежит употребление повествователем слов *господа, государи, государство* и производного от них: *господствующею*. Доказать родство значений через данное утверждение сможем, обратившись к словарю В.И. Даля, где «*господь* – "м. встарь, государь, господин; ныне, Всевышний, *Владыка*, Бог, Создатель"; господин, *государь* – м. всякий светский *владыка*, верховный глава страны, владетельная особа: император, *царь*, король, владетельный герцог или князь...; *государство* – "*царство*, империя, королевство, земля, страна под *управлением* государя"» [5, т. 1, с. 359].

Лексема *Творец* сходна с лексемой *Бог* в значении "по религиозным представлениям, *высшее существо, являющееся творцом вселенной*" [8, с. 130].

На периферии лексико-семантического пространства лежит употребление лексемы *Бог* и представленных ее вариантов внутри фразеологических единиц или в грамматической связи с ними: «*Ведь как прикинется безбожно*» [7, с. 90], значение идиомы мы объяснили выше; «*Скажите прежде – и безбожно / Вам стали б ту же песню петь*» [7, с. 92]; в значении "повторять то, что уже говорилось" с дополнительным значением "бессовестно": «*Началась потасовка... <...> и кончилась тем, что ассири, как побежденные, сперва подавай Бог ноги, а потом дали тягу на Сюммер...*» [7, с. 107], в значении "найти силы убежать", подкрепленное в контексте пояснительным значением идиомы "дали тягу", схожей по смыслу с фразеологизмом "давать стрекача", в значении "стремительно, поспешно убежать, пускаться наутек".

Лексему *Бог* можно ввести в ассоциативные отношения с некоторыми из отобранных для анализа ключевых слов по группам: с *понятиями философского характера: любовь, зло, добро, душа, жизнь, мир, совесть, истина, тайна*; с *понятиями религиозно-мифологического характера: ангел, вера, грех, покаяние*; с *понятиями космологического характера: небо, земля, вселенная, бесконечность, солнце, луна, звезды*.

Чтобы доказать верность нашего предположения в отношении связи лексемы *Бог с философскими понятиями*, оттолкнемся от основного ее значения: "существо, управляющее миром". Лексема *мир* в значении "отдельная область жизни, явлений, предметов. *Внутренний мир человека*" вводит в семантическое пространство лексему *душа*, так как одно из значений последней и есть "внутренний мир человека". Через понятие *душа* в семантическое пространство входят такие понятия, как *добро – зло* через значение "то или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами".

Понятия *совесть, истина* могут относиться к данному семантическому пространству через значение "чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми. *Со спокойной совестью делать что-нибудь*". Понятия *жизнь* и *тайна* вводятся в семантическое пространство через значения "совокупность явлений, происходящих в организмах, особая форма существования материи. *Возникновение жизни на Земле*"; "нечто неразгаданное, еще не познанное. *Тайны Вселенной*".

Приведем примеры вербализации и количественного состава данных лексем в конкордансе ключевых слов. Рассмотрим их языковое воплощение.

Лексема *мир* реализована в 23 контекстах. В прямом значении, например, в таких вариантах: «*В настоящее время Шагя-Муни, как Шикеафо нашей вселенной, сосредоточив в себе всю возможность власти общего управления над существующими теперь мирами, приятельски поделился с другими бурханами относительно частей*» [7, с. 105]; «*В то же время около Сюммера образовались четыре великих мира...*» [7, с. 101].

Данная лексема в некоторых контекстах употреблена в переносном смысле: «*Весь наш ученый мир в страшном заблуждении*» [7, с. 102]. «*Ученый мир*» употреблено в значении "*Научный мир*. Объединенное по каким-н. признакам человеческое общество". Следующий пример: «*Когда в пленительной надежде в подлунном мире я искал / Красот высоких идеал*» [7, с. 91]. В словосочетании "*в подлунном мире*" лексема *мир* употреблена в значении "(устар. высок.) – то же, что вселенная".

Рассмотрим еще два контекста с переносным значением: *«Да! В кодексе мирских условий / Давно введен закон такой»*; *«Так, например, бурхану Мандари и будущему преемнику его Мандзошири он препоручил наблюдать, чтобы в мире шло своим порядком»* [7, с. 94, 105]. Лексема *мир*, употреблена в значениях "светская жизнь в противоп. монастырской, церковной жизни", "согласие, отсутствие вражды, ссоры, войны". В контексте *«Ничтожный мир забыть хотят»* [7, с. 92] к лексеме *мир* употреблено прилагательное *ничтожный* с экспрессивно-сниженным оценочным характером.

Лексико-семантический анализ понятий *Душа* и *Любовь* будет проведен при их подробном анализе далее.

Конкорданс лексем *добро* – *зло* в количественном составе представлен соотношением 15/12 единиц соответственно. Обе единицы речи, употребленные в прямом значении противопоставления: "все положительное, хорошее, полезное" – "нечто дурное, вредное, противоположное добру", мы видим во всех контекстах. Приведем пример: *«Однако ж во всяком хude есть добро... – (А как случилось это зло, / До нас в рассказах не дошло)»* [7, с. 110, 113].

Лексема *жизнь* представлена в 28 контекстах, в значениях "физиологическое существование человека, животного, всего живого"; "время такого существования от его возникновения до конца. А также в какой-н. период"; "оживление, проявление деятельности, энергии". Например: *«Когда мне случается думать о вас (а я это делаю беспрестанно с тех пор, как недавно увиделся с вами первый раз в жизни); Мне жжизнь – печаль, мне свет – пустыня!; Изнуряя тело, он провел в пустыне остальную часть жжизни своей...; Они никак не могут различить <> духа разумения, который проявлен <...> в человеке от неистоцимого духа жжизни»* [7, с. 90, 92, 100, 113].

Представляет интерес употребление лексемы *жизнь* в составе фразеологизмов в таких контекстах, как: *«В окончании кутерьмы они выйдут на белый свет и станут себе жжить да поживать»*; *«... жили себе припеваючи бессмертные духи генгери»* [7, с. 104, 107]. Значения фразеологизмов

синонимичны, их характер сказовый, схожий с фразеологизмом "как сыр в масле кататься" в значении "жить в полном довольстве, не испытывая ни в чем нужды, недостатка".

Лексема *тайна* (представлена в 15 контекстах) выступает в речи рассказчика в таких значениях: "Нечто скрываемое от других, известное не всем, секрет. *Хранить тайну. Держать в тайне. Сердечные тайны*"; "скрытая причина чего-н. *Тайна успеха. В чем т. ее обаяния?*" – «... послушайте лучше о моих сердечных тайнах»; «У женщин вечно та же сказка, / Чуть тайна есть, - так есть и ласка» [7, с. 92, 108]. Образованные от лексемы прилагательное *тайный* и наречия *тайно, таинственно* вносят дополнительные значения "составляющий тайну для других, не известный другим, не явный, не открытый. *Тайное свидание*"; "многозначительный и загадочный" – «... ламы употребляли все средства, чтобы увенчать успехом свое тайное предприятие»; «И в таинственной дали / Долетят они до Бога (о словах)»; «Таинственно о светлой цели / Какой-то голос мне шепнул» [7, с. 97, 107, 115]. Лексема *тайна* в контексте «Взгляните, любуйтесь, прелестная дева, / Как тучи далеко за горы слились, / Как сладкою тайной наполнилась высь!» (с. 116) в сочетании с прилагательным *сладкою* через его переносное значение "приятный, доставляющий удовольствие"; "счастливый" вступает в синонимические отношения с понятием *Счастье* = "блаженство".

Таинственность поступков человека противопоставлена таинственности жизни. Кроме этого, лексема *тайна* в речи рассказчика отражена в контекстуальных синонимах: «Опять мне новая загадка!»; «Тогда ему от вас украдкой / Дивлюсь и все не надивлюсь» [7, с. 111, 112]. Употребляется данная лексема и в составе фразеологизма «И нечего греха таить, / Хоть и без умыслу – а ели...» [7, с. 110] в значении "не нужно, не стоит скрывать".

Взаимообусловленность по значению лексем *совесть* и *истина* (в 12/3 контекстах) мы уже объясняли выше. Рассмотрим, как они реализуются в речи рассказчика. Контексты: «У меня точно удивительно как много совести»; «А, верно, совесть есть навряд / В ином ханже красноречивом»; «Мне как-то

совестно немного / В стране невыносимых благ»; «Тут я бы мог кончить мой третий рассказ, но совесть моя заставляет меня сделать наперед поправку в первом» [7, с. 91, 103, 106]; – «Вы не верите? Так загляните же в любую мифологическую монгольскую книгу, и вы увидите, что это самая неприкосновенная истина...» [7, с. 102] представляют лексему в значении "прирожденная правда в различной степени развития" [5, т. 4, с. 115]. Нетрудно сделать вывод о приверженности нашего рассказчика к правде, прийти к заключению о его совестливом отношении к поступкам.

Отношения лексемы *Бог* с группой религиозно-мифологических понятий начнем с определения взаимообусловленных соотношений в значениях понятий *Бог – Вера (Религия)*. Лексема *Религия* в значении "одна из форм общественного сознания – совокупность духовных представлений, основывающихся на вере в сверхъестественные силы и существа (богов, духов)" позволяет включить в лексико-семантическую группу понятие *Вера* в значении "вероисповедание"; понятие *Дух*, в значении "в религиозно-мистических представлениях: бесплотное сверхъестественное существо. *Святой д. Злой, добрый д.*"; понятие *Ангел* в значении "существо духовное, одаренное разумом и волею. Спаситель. *Ангел-хранитель*, приставленный Господом к человеку, для охраны его. *Ангел света, благой добрый*" [5, т. 1, с. 60]. Понятие *Грех* в одном из значений "поступок, противный закону Божию; *вина* пред Господом" [5, т. 1, с. 366] помогает ввести в семантическое пространство понятия *Вина = Грех = Искупление* через значение понятия *искупитель* – "избавитель <...> *Искупителем* зовем мы *Спасителя, Господа Иисуса Христа*" [5, т. 2, с. 46].

Анализ вербализованных единиц понятия *Вера* будет предложен далее.

В данной группе религиозно-мифологических понятий интересно отметить взаимосвязь между такими лексемами, как *ангел – дух*. В языке рассказчика, в таких контекстах, как «*Здесь, по словам иных, они назвались духами аминами, и с этих-то пор начинается рассказ, который решительно не подвержен никакому сомнению*»; «*Проходили сотни тысяч лет; казалось, что*

былое опять начинает веять на них своим упоением, вдруг один из духов нашел Шиме, или земное масло, как называют другие» [7, с. 108, 109] лексема *дух* употребляется в прямом своем значении.

Но мы видим ее в речи рассказчика и в переносных значениях: "сознание, мышление, психические способности", "внутренняя моральная сила" в таком контексте, как: *«Они никак не могут различить бессмертного духа разума, который проявлен только в одном человеке от неистощимого духа жизни, который, под всеми возможными формами, так блистательно проявляется в природе»* [7, с. 113, 114].

Лексема *ангел* (8 вербализованных единиц) в основном употребляется рассказчиком в переносном смысле. С ангелом он сравнивает свою собеседницу, вообще возлюбленную и ангельскими считает все проявления ее характера – *«Я все пишу для ангельской улыбки; Когда мы ангела найдем, / Услышим сердца звук ответный; Толпа безумно лепетала / Урок приличий заказной / И не приметно за собой / Вас, милый ангел, увлекала»* [7, с. 95, 106].

Лексема *Бог* через отрицательное значение лексемы *ангел* – "злой дух" [5, т. 1, с. 60] вступает в антонимические отношения с лексемой *демон* в таком контексте, как: *«На нижней полосе этой горы живут злые духи. <...> Видите ли вы Ассири?... Это существа средние между человеком и демоном, то есть они сбивают и на того, и на другого...»* [7, с. 103].

Понятие *Грех* – одно из ключевых в повествовании. Об этом говорит количество контекстов с данной лексемой (их 27). Рассказчик рассматривает проблему греховности человека и серьезно и иронично. Причисляя себя к грешникам, говорит: *«Что ж до меня, то я сначала / Кажусь на грешника похож»,* но тут же опровергает это впечатление: *«И вот во мне что только ложь, / А впрочем, я предобрый малой!...»* [7, с. 90]. И все-таки он испытывает потребность покаяться, но только лишь в силу своей правдивости: *«Я вам покаюсь, чем жизнь моя грешна, / Я вам перескажу интриг минувших повесть, / Тогда вы скажете, прощая шалуна: / Ну, в этом есть, по крайней мере, совесть!»* [7, с. 91].

Повествуя об истории жизни Шагя-Муни, он описывает все, что ожидает человечество за земные грехи: «Слетят на землю семь мечей, — / И все живущее созданье, / И весь людской греховной род / Под этой казнию умрет; Так, например, у них в одном / Согреют грешников огнем; / В другом морозом их пришколят; / А там, от скуки, попилят; / А там хоть рад, или не рад — / Держать диету приневолят» [7, с. 104, 106].

Ирония не покидает рассказчика до последней части повествования. В ней он перечисляет действительные свои грехи: «страсти злые», «чувства в диком забытьи», «мятеж губительный», «бурю губельных страстей» [7, с. 115]. Надеждой на спасение от грехов выступает образ возлюбленной Катиньки. Она становится символом искупления его грехов: «Вдруг, как ангел искупленья, / Предо мной явились вы!...» [7, с. 116]. Последняя фраза – явное заимствование из «К*» А.С. Пушкина: «Я помню чудное мгновенье: / Передо мной явилась ты, / Как мимолетное виденье, / Как гений чистой красоты» [3, с. 42].

Лексема *Грех* выступает в прямой синонимической зависимости с лексемой *порок* (7 вербализованных единиц) в таких контекстах: «Поверите ли вы, прелестная Катинька, что разность в цвете лица породила ужасный грех гордости?...» – «Вы слетели, как с небес, / И во мне порок исчез» [7, с. 112].

Понятия космологического характера входят в лексико-семантическое пространство данной лексемы через значение "Бог – создатель Вселенной" [5, т. 1, с. 137]. Понятия *Вселенная* = *Бесконечность* взаимообусловлены в значениях "мир, космос, мироздание" и "мир, безграничный во времени и пространстве". Эти значения вводят в семантическое пространство понятие *Небо* через значение "вся ширь и глубь Вселенной" [5, т. 2, с. 417]; понятия *Земля* – *Солнце* – *Звезды* – *Луна* в значениях: "планета, один из миров <...> вокруг Солнца" [5, т. 1, с. 602]; "одно из светящихся (самоцветных) небесных тел, видимых в безоблачную ночь" [5, т. 1, с. 597].

В языке рассказчика лексема *Вселенная* (*Бесконечность*) употреблена в 11-ти контекстах в прямом значении: "все мироздание, весь мир": «Ему

вселенная видна» [7, с. 103]. К лексеме *Вселенная* есть в речи рассказчика контекстуальный синоним: «*И надежда, сладко вея / Из надзвездной высоты / На восторги неземные, / Зажигала огневые, / Вдохновенные мечты...*» [7, с. 116].

Второе значение лексемы *Вселенная* – "вся земля, все страны" связывается с употреблением лексемы *Земля* (25 вербализованных единиц) в ее космологическом значении "планета Солнечной системы, вращающаяся вокруг Солнца".

Лексема *Солнце* (7 вербализованных единиц) употребляется в речи рассказчика почти всегда в связи с лексемами *Луна*, *Звезды* (4/5 вербализованных единиц) как представление о едином космическом пространстве. Примеры: «*От движения дуновенья составилось облако; из облака родились воды, Потом из вод – земля и камень; / Потом от тренья сих начал / Во тьме хаоса просиял / Неугасимый, яркий пламень; Окружность вселенной простирается до 30000000 верст, разумеется, выключая солнце, луну и звезды...; Тут понадобились и солнце, и луна, и звезды, и все это было тотчас же сотворено*» [7, с. 101, 103, 109]. Понятие *Земля* в переносном значении является олицетворением страдающего существа, предметом жалости: «*Но вечность – не удел земли!; Не видали ль вы, прелестная, / Не видали ль вы порой, / Как идет гроза небесная / Над испуганной землей?*» [7, с. 116].

Итак, мы объяснили взаимосвязь значений лексем из группы философских, религиозно-мифологических, космологических понятий, включенных посредством перетекания их значений из одного в другое с понятием *Бог*. На примерах контекстуальных единиц данной группы раскрыли некоторые представления о мире рассказчика в произведении, выделили его отдельные черты характера и описали отношение к жизни и к пониманию Бога.

Итак, в языковой картине мира повествователя лексема *Бог* употребляется в следующем компонентном составе:

– *абсолютное существо, являющееся первопричиной всего сущего;*

- *высшее существо, являющееся творцом вселенной;*
- *предмет поклонения, обожания, кумир;*
- *в звательной форме божье в восклицательном значении – указывающий на модальность речи.*

Данный компонентный состав, как мы видим, почти не отличается от общепринятого мировоззренческого восприятия понятия *Бог*. Но в «анатомически разъятой» языковой картине мира рассказчика оно является сублимацией всех не менее важных понятий, представляющих его жизнь, его внутренний мир. *Бог* – это все, что есть в мире: космос, с его составляющими, нравственные понятия, мифологический и бытовой практический опыт жизни.

Сделаем выводы о том, какую роль играет ценностное понятие *Бог* в языковой картине мира рассказчика. Речь о Боге рассказчик заводит тогда, когда начинает рассуждать о простоте сердечной, которая, по его мнению, исчезла в людях: «...*простота в смешное/ Обращена людьми давно...*»; «*сердце с языком в разладе...*»; «*С иным заговори поди: / Ведь как прикинется безбожно!*» [7, с. 90]. Последняя фраза говорит о том, что рассказчик не видит в людях готовности жить по божеским заповедям, по совести: «*Да! Нынче совесть стала дивом*» [7, с. 91]. Повествуя о друзьях, которые на просьбу о помощи "безбожно" отказывают, говоря, что «...*это сделать невозможно*», герой произведения не скрывает разочарования в таких друзьях. Себя он относит к людям другого рода: «*Я не дался в иных...*» [7, с. 91, 92]. Иронично характеризуя себя как человека честного и серьезного, он, вроде бы шутливо, заручившись верой в бога, «...*но я божуся вам богами*», начинает рассказ о своих «*сердечных тайнах*» [7, с. 92, 94].

С просьбой «*ради Бога*» (с. 95, 96), пожеланием «*Боже сохрани!*» [7, с. 95, 105] часто обращается к своей собеседнице, к господам ориенталистам, с которыми на страницах книги он также ведет условный разговор.

Осуждая человека за то, что со временем он не меняется в сути своей, рассказчик говорит: «*Все тот же он, мои друзья, / Вчера, и завтра, и сегодня: / Все та ж над ним любовь Господня, / И то же в нем из ада – я*» [7, с. 96].

Напрашивается умозаключение о том, что, по мнению рассказчика, человек не заслужил любви Господа.

Перенося собеседницу «в хаос индийского мистицизма и мифов» [7, с. 98], герой начинает рассказ, как возникло учение Шагя-Муни. Здесь упоминается индийский бог, который несколько раз сходил на землю, чтобы исправить развратившихся людей и рассказывается процесс мироздания у монголов. И в этом рассказе Шагя-Муни исполняет все, что присуще настоящему богу – создателю мира: *«От движенья дуновенья составилось облако; из облака родились воды, Потом из вод – земля и камень; / Потом от тренья сих начал / Во тьме хаоса просиял / Неугасимый, яркий пламень»* [7, с. 101].

Рассказывая о монгольских богах, повествователь не забывает ни на минуту о своем Боге. Вспоминая осуждающий взгляд собеседницы при встрече с ней, он говорит: *«Я вспыхнул весь, мои глаза / К земле невольню опустились; / Но укрепил меня мой Бог / Я робость в сердце перемог...»* [7, с. 107]. Рассказчик уповаet на силу воли, которую ему дает вера в Бога.

В последней части «Рассказов...» шутливо-ироничное и легкое отношение к Богу меняется на серьезное. Герой, соотнося личную судьбу с судьбой раскаявшегося Шагя-Муни, начинает свою исповедь. И теперь вполне можно оценить значение Бога в его жизни. Он говорит, что *«Нестерпима казнь ужасная / Грозных божских мечей»*, что *«В миг ужасный пробуждения / Цепь греха»* он *«грыз и рвал...»*, что надежда на спасение – это *«сладкие»* сострадательные слова его собеседницы – *«Девы, девы-красоты!»*, которые долетят до Бога в защиту страждущего [7, с. 115]. Думается, что поэту тяжело осознавать свои грехи. Назначив свою собеседницу посредником между ним и Богом, уповая на ее слова в защиту страждущего отпущения грехов, рассказчик рад осуществлению своей главной мечты: найти сочувствие хотя бы одного человека: *«Что и мне, и мне, мой Боже! / Ниспослал ты благодать»* [7, с. 116]. Эти строки драматичны по характеру. Одиночество рассказчика среди людей, одиночество среди поэтов отзывается болью в его душе и в душах читателей.

Одиночество до той степени, что он находит утешение в разговоре с воображенной им собеседницей – Катинькой.

В конечных поэтических строках он поет осанну Господу, вознесясь к нему мечтой. В понятие *Бог* рассказчик включает "зелень живую", "цветов аромат", "небес бирюзу", "яхонт эфира", "знаменье небесного мира", "неба улыбку" – все это сливается в образ "отрады святой". Благоговение перед красотой и тайной мироздания передается и читателю, который воспаряет вместе с поэтом и Катинькой в небесную высь, наполненную "сладкою тайной". Для рассказчика – это состояние экстаза, возродившее надежду на воскресение души [7, с. 115, 116].

Список литературы:

1. Базарова Л.В. Концепт "Бог" во фразеологических единицах английского, русского, татарского и турецкого языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. Казань, 2011. 23 с.
2. Башкова И.В. Творческая языковая личность и вариативность русской языковой картины мира // Вестник ТГПУ. 2015. № 4. С. 1120-1116.
3. Гейченко С.С. Под вашу сень, Михайловские рощи... / Стихи, написанные А.С. Пушкиным в Михайловском. Л.: Детская литература, 1987. 143 с.
4. Горшков А.И. Русская словесность: От слова к словесности / Учеб. пособие для учащихся 10-11 кл. шк., гимназий и лицеев гуманитар. направленности. М.: Просвещение. 1995. 336 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. 636 с.; Т. 2. 668 с.; Т. 3. 572 с.; Т. 4. 574 с. М.: Олма-Пресс, 2002.
6. Калькова О.К. Концепт Бог в русской языковой картине мира // Вестник ЦМО МГУ. 2009. № 1. Лингвокультурология. С. 89-92.

7. Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. / Под ред. д-ра социол. наук проф. В.А. Шаповалова, д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. Т. 2. 768 с.

8. Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2000. Т. 1. 982 с.

9. Соколовский В.И. «Ни разу счастием я не был упоен...». Ставрополь: «ЮРКИТ», 2001. 144 с.

10. Чивилихин В.А. О В.И. Соколовском // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. / Под ред. д-ра социол. наук проф. В.А. Шаповалова, д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СПУ, 2011. Т. 2. 768 с.

11. Шаповалова О.А. Этимологический словарь русского языка. Изд. 5-е. Ростов на Дону: Феникс, 2009. 238 с.

Сведения об авторах:

Бурмакина Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Красноярск, Россия).

Чеканова Светлана Юрьевна – студентка филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Красноярск, Россия).

Data about the authors:

Burmakina Natalya Alekseyevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia).

Chekhanova Svetlana Yurievna – student of Philology Faculty, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia).

E-mail: nata-burmakina@yandex.ru.

E-mail: dorogaya.darina2013@yandex.ru.